

ББК 63.3(2)2-9

Н.Н. Серегин

Специфика развития тюркской культуры Саяно-Алтая (к вопросу о выделении локальных вариантов)*

Ключевые слова: археологические памятники, локальный вариант, тюркская культура, Саяно-Алтай, погребальный обряд, период раннего Средневековья.

Key words: archaeological monuments, local variant, Turks culture, Sayan-Altay region, funeral rite, period of early middle ages.

Развитие знаний об особенностях этногенетических и историко-культурных процессов в древности и Средневековье приводит к двум тенденциям в археологии. С одной стороны, заметен процесс укрупнения выделенных культур, объединения ряда родственных образований. К примеру, отражением подобной ситуации явилось активное использование понятия «историко-культурная общность». С другой стороны, более углубленное изучение конкретных образований объективно приводит к их дроблению, выделению более мелких частей. Специфика последних может быть обусловлена целым рядом причин природного и исторического характера и находить отражение в погребальном обряде, предметном комплексе, мировоззрении, антропологическом составе населения и т.д. В последнем случае фиксируется использование таких обозначений, как локальные группы, локально-территориальные общности, региональные варианты, локальные варианты и т.д. Обилие терминов, отражающих своеобразие, особенность развития определенной группы древнего или средневекового населения, не всегда является положительным моментом в осмыслении конкретных явлений и процессов прошлого. Понятно, что в данном случае у исследователей появляется возможность учета различных нюансов в ходе их описания. Однако последнее утверждение справедливо только при условии тщательной проработки и обоснования каждого обозначения. При этом важно учитывать хронологическую и территориальную детерминированность значения дефиниций. В подобной ситуации правомерно целенаправленное рассмотрение конкретных терминов применительно к определенной области и периоду.

Обозначение «локальный вариант археологической культуры» по отношению к территории Саяно-Алтая использовалось применительно к памятникам начиная от эпохи энеолита – ранней бронзы [1; 2, с. 162; 3, с. 135; 4; 5] и до позднего Средневековья [6]. Неоднократно и на различном уровне предпринимались попытки выделения и интерпретации локальных вари-

антов культур раннего железного века [7, с. 53; 8–11]. В большинстве случаев авторы не останавливались на осмыслении специфики самого явления, однако имеются и работы теоретического плана (см. обзор: [8]). Очевидно, что необходимы дальнейшие исследования в этом направлении. Одним из вариантов решения ряда вопросов можно считать рассмотрение конкретных обществ, на что было указано выше. В настоящей работе представлены основные аспекты проблемы выделения локальных вариантов тюркской культуры Саяно-Алтая**.

Впервые термин «локальный вариант» при рассмотрении раннесредневековых культур кочевников северных районов Азии встречаем в работе М.П. Грязнова [13, с. 24], представившего специфику данного обозначения ранее [14, с. 40]. Четыре локальных варианта сrostкинской культуры, по его мнению, могут быть соотнесены с конкретными племенными объединениями. Опыт известного специалиста был достаточно широко использован в последующие годы многими авторами. Особенности существования различных этнических образований в рамках одной общности рассматривались через выделение локальных вариантов сrostкинской, кыргызской и верхнеобской культур периода раннего Средневековья [150–17]. Имеется подобный опыт и в плане интерпретации особенностей развития тюркской культуры Саяно-Алтая. На специфике изучения этого вопроса остановимся подробнее.

Одной из важных особенностей изучения тюркской культуры является то, что в большинстве обобщающих работ памятники различных районов распространения общности, за редким исключением [16; 18], рассматривались по отдельности [19–21]. Поэтому и вопрос о выделении локальных вариантов поднимался по отношению к конкретным территориям. Систематизация материалов раскопок в Туве позволила Г.В. Длужневской и Б.Б. Овчинниковой [22, с. 81] выделить четыре локальных варианта памятников тюрков. В основу подобного разделения было положено рассмотрение характеристики внутримогильных конструкций объектов. Зафиксированные отличия в их оформлении, по мнению указанных авторов, свидетельствуют о специфике обряда конкретных групп племен. Подчеркнув своеобразие погребальных объектов тюркской культуры в рассматриваемом регионе, Д.Г. Савинов [16, с. 227] согласился с выделением центрально-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Археологическая карта памятников Алтая эпохи Средневековья» (№09-01-60103 а/Т).

** Данная статья представляет собой расширенный вариант работы, опубликованной ранее [12].

тувинского варианта погребений с конем, характерным признаком которого является наличие подбоя. Другие памятники, упомянутые в работе Г.В. Длужневской и Б.Б. Овчинниковой, исследователь посчитал возможным обозначить как «локальный вариант культуры алтае-телеских тюрок» [16, с. 227].

Упоминались также особенные черты памятников тюркской культуры на территории Горного Алтая. А.П. Бородовский [23] обратил внимание на своеобразие погребальных объектов центральной части региона. Автор отметил, что обозначенную территорию следует рассматривать как локальный район расселения определенной группы тюрок. В качестве основной характеристики памятников различных хронологических этапов исследователь назвал специфику надмогильных сооружений, представляющих собой кольцевые конструкции [23, с. 21–22].

Пристальное внимание археологи обращали на особенные черты памятников тюркской культуры в Минусинской котловине. Подробная историография основных аспектов изучения и интерпретации раннесредневековых комплексов на обозначенной территории приведена в монографии Ю.С. Худякова [20]. Среди различных суждений в научной литературе представлен и опыт рассмотрения памятников Среднего Енисея в рамках локального варианта тюркской культуры.

Возможность подобной интерпретации обозначена в автореферате кандидатской диссертации О.А. Митько [24, с. 20–21]. Отметив этническую целостность тюрок на территории Минусинской котловины, археолог предположил, что их памятники можно отнести «к локальному варианту кочевнических культур второй половины I тыс. н.э. – курайской либо кимако-сросткинской» [24, с. 21]. Впоследствии эти наблюдения были представлены в расширенном виде в совместной статье указанного автора с Ю.В. Тетериным [25]. Воздержавшись на этот раз от каких-либо точных определений, исследователи обратили внимание на отличительные черты памятников тюрок Среднего Енисея. Наиболее существенными, по их мнению, являются такие признаки, как почти полное отсутствие «поминальных» объектов, особенности планиграфии курганов, специфика надмогильных сооружений, западная ориентация умерших, использование огня в погребальной практике, наличие сопроводительных захоронений по обряду трупосожжения, а также частое нахождение глиняных сосудов [25, с. 403]. В монографии Ю.С. Худякова [20, с. 89] погребения с конем на Среднем Енисее четко обозначены как «минусинский локальный вариант культуры древних тюрок». Автор представил развернутое обоснование своей позиции по поводу особенностей появления и существования группы кочевников на территории Минусинской котловины, а также расширил перечень характерных признаков памятников, обратив внимание на такую черту обряда, как частая замена в погребении лошади на овцу [20, с. 48]. Кроме того, исследователь

подчеркнул периферийность «минусинского варианта культуры тюрок», что нашло отражение в отсутствии оригинальных сюжетов в орнаментации предметов торевтики [20, с. 78].

Соглашаясь с заключениями, приведенными в работах Ю.С. Худякова, О.А. Митько и Ю.В. Тетерина, представим некоторые дополнительные наблюдения, связанные с рассмотрением специфики погребальных памятников тюрок на территории Минусинской котловины.

В рамках изучения основных характеристик обряда тюркской культуры нами учитывалось более 300 погребений, исследованных на территории Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины. В связи с тем, что необходимые признаки известны далеко не для всех памятников, на различных этапах работы в анализ было включено от 257 до 267 объектов. Основной причиной подобной ситуации стало отсутствие необходимых сведений в связи с сильной ограбленностью погребения. Кроме того, многие комплексы не ведены в научный оборот или опубликованы лишь частично. Ниже в кратком виде изложены основные наблюдения, дополняющие выводы археологов о специфике развития культуры тюрок на Среднем Енисее.

Среди памятников Минусинской котловины достаточно высок процент впускных погребений (16,5%). Распространение подобных объектов может иметь различное объяснение. К примеру, отмечена концентрация впускных погребений в периоды, характеризующиеся сложной политической обстановкой. Среди других причин называется такой фактор, как стремление пришлого населения утвердиться на новой территории [26, с. 101–102]. Приведенные возможные трактовки вполне согласуются с представлениями о появлении носителей традиции «погребения с конем» на Среднем Енисее [20; 27; 28]. При этом можно уверенно утверждать, что впускной характер погребений в нашем случае не является признаком низкого социального статуса умерших. Напротив, некоторые подобные объекты на территории Минусинской котловины отличаются богатством сопроводительного инвентаря [29].

Характерной чертой погребального обряда тюрок во всех районах распространения культуры является приступка по одной из стенок могильной ямы. Этот конструктивный элемент зафиксирован при исследовании памятников раннесредневековых кочевников Горного Алтая (23,7%), Тувы (14,3%) и Минусинской котловины (35,4%). Отличие обряда тюрок на Среднем Енисее в том, что приступка почти в половине случаев (15,2%) сооружалась для помещения туда человека, в то время как на других территориях она предназначалась для лошади. Подобная ситуация не зафиксирована в Туве, единична в Горном Алтае, а также встречается в погребальной практике тюрок Тянь-Шаня [30].

Другим вариантом оформления могильной ямы являлся подбой, традиционно считавшийся отличии-

тельным признаком погребений тюркской культуры Тувы [31–32]. Подобный элемент встречен в 20% погребений на указанной территории. Однако, как оказалось, почти столь же часто (около 18%) подбой сооружался номадами тюркской культуры в Минусинской котловине.

Интересным компонентом обряда кочевников было помещение в могилу каменной «подушки». Подобная ситуация характерна для погребальной практики кочевников раннего железного века, а в период раннего Средневековья наиболее часто фиксируется в памятниках тюрок Среднего Енисея (9%).

Важными показателями ритуала населения тюркской культуры являлась ориентация умершего и сопровождавшего животного, а также соотношение их расположения в могиле. При изучении особенностей обозначенных компонентов погребальной практики раннесредневековых номадов Саяно-Алтая было выделено две группы памятников, различающихся по ряду показателей, причем выявлена их территориальная обособленность. Для первой группы характерна ориентация человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади (овцы) и расположение животного слева от погребенного. Подобный набор признаков можно считать стандартом погребального ритуала (более 50%) для тюрок Горного Алтая (53%) и Тувы (60,8%). К первой группе также относится большинство памятников, исследованных на территории Монголии. Вторая группа отличается тем, что человек и животное ориентированы на запад с отклонениями, причем лошадь (овца) находится справа от погребенного. Подобная ситуация является характерной для кочевников Минусинской котловины (49,3%).

Особенностью погребальной практики тюрок на Среднем Енисее является отсутствие «классических»

кенотафов [33]. При этом на отдельных памятниках зафиксированы объекты, которые могут быть отнесены к «пустым» могилам либо условно обозначены как ритуальные сооружения [34, с. 97]. По сравнению с другими территориями распространения тюркской культуры в Минусинской котловине зафиксировано большое количество детских погребений. Редкость подобных объектов в Горном Алтае и Туве можно объяснять сложностью их фиксации в связи с особенностями ритуала для членов общества, еще не получивших социального статуса [21].

Отдельного рассмотрения заслуживает предметный комплекс тюрок на Среднем Енисее. При очевидной унификации материальной культуры кочевников в эпоху Средневековья специальный анализ сопроводительного инвентаря позволяет выявлять особенные черты, характерные для отдельных групп номадов. Важность подобной работы применительно к памятникам Минусинской котловины определяется также необходимостью прояснения вопросов, связанных с дискусионностью датировки комплексов.

Итак, в период раннего Средневековья существовала единая тюркская культура. Это было сложное, полиэтническое объединение, что нашло отражение в том числе в специфике погребальных и поминальных комплексов на различных территориях и в отдельных районах. Интерпретация фиксируемых своеобразных черт в развитии общности будет способствовать реконструкции сложных этногенетических и историко-культурных процессов, происходивших во 2-й половине I тыс. н.э. В настоящее время представляется возможным рассматривать погребальные комплексы тюрок на Среднем Енисее в рамках локального варианта тюркской культуры.

Библиографический список

1. Кубарев, В.Д. О локальном варианте окуневской культуры на Алтае / В.Д. Кубарев // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул, 1986.
2. Цыб, С.В. Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры Южной Сибири / С.В. Цыб // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового века Южной Сибири. – Барнаул, 1988.
3. Савинов, Д.Г. Афанасьевская культура / Д.Г. Савинов // Древние культуры Бертегской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск, 1994.
4. Абдулганеев, М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катуни и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности / М.Т. Абдулганеев // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул, 2006.
5. Тюрина, Е.А. К вопросу о содержании термина «афанасьевская археологическая культура» / Е.А. Тюрина // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск, 2008.
6. Выборнов, А.В. Возможность выделения локальных вариантов культуры енисейских кыргызов в позднем средневековье (по материалам конского снаряжения) / А.В. Выборнов // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2007.
7. Могильников, В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке / В.А. Могильников // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986.
8. Тишкин, А.А. К вопросу о выделении локальных вариантов пазырыкской культуры / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2002. – Кн. II.
9. Степанова, Н.Ф. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры скифской эпохи Горного Алтая / Н.Ф. Степанова // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004.

10. Корнеева, Ю.С. О локальных вариантах тагарской и таштыкской культур / Ю.С. Корнеева // Студент и научно-технический прогресс : материалы XLV Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 2007.
11. Герман, П.В. Локальные различия и проблема генезиса тагарской культуры / П.В. Герман // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. – М., 2008. – Т. II.
12. Серегин, Н.Н. Проблема выделения локальных вариантов тюркской культуры Саяно-Алтая / Н.Н. Серегин // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2009.
13. Грязнов, М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС / М.П. Грязнов // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1960.
14. Грязнов, М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / М.П. Грязнов. – М. ; Л., 1956.
15. Беликова, О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. / О.Б. Беликова. – Томск, 1996.
16. Кляшторный, С.Г. Степные империи древней Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. – СПб, 2005.
17. Зимин, А.А. Проблемы изучения локальных вариантов верхнеобской культуры / А.А. Зимин // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2007.
18. Овчинникова, Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. / Б.Б. Овчинникова. – Свердловск, 1990.
19. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века / Д.Р. Кызласов. – М., 1969.
20. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее / Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 2004.
21. Кубарев, Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников) / Г.В. Кубарев. – Новосибирск, 2005.
22. Длужневская, Г.В. Кочевое население Тувы в раннем средневековье / Г.В. Длужневская, Б.Б. Овчинникова // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980.
23. Бородовский, А.П. Территориальное распространение «древнетюркских» погребальных сооружений с кольцевой конструкцией и проблема этнических особенностей населения Центрального Алтая / А.П. Бородовский // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск, 1992.
24. Митько, О.А. Население территории Среднего Енисея в эпоху средневековья (VI–XVI вв.) (по данным погребальной обрядности) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.А. Митько. – Новосибирск, 1995.
25. Митько, О.А. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее / О.А. Митько, Ю.В. Тетерин // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998. – Т. I.
26. Матренин, С.С. Впускные погребения Горного Алтая / С.С. Матренин // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001.
27. Нестеров, С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем / С.П. Нестеров // Проблемы реконструкций в археологии. – Новосибирск, 1985.
28. Худяков, Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее / Ю.С. Худяков // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979.
29. Савинов, Д.Г. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии / Д.Г. Савинов, П.Г. Павлов, Е.Д. Паульс // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). – Л., 1988.
30. Табалдиев, К.Ш. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо / К.Ш. Табалдиев, Ю.С. Худяков // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999.
31. Овчинникова, Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве / Б.Б. Овчинникова // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1983.
32. Овчинникова, Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве / Б.Б. Овчинникова // Древний и средневековый Восток. История, филология. – М., 1984.
33. Серегин, Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры / Н.Н. Серегин // Археология степной Евразии. – Кемерово, 2008.
34. Поселянин, А.И. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II / А.И. Поселянин, Э.И. Киргинеков, В.В. Тараканов // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2.